

Глава 1

Всю ночь с крыши лилась талая вода и в водосточной трубе, проходившей прямо за окошком мансарды, ворчал и клекотал, как рассерженный ворон, нарастающий поток. Этот шум врывается в сон Александры и странным образом преображал его. Сначала она видела ворону, сидящую на письменном столе, заваленном бумагами. Птица распускала крылья и раскрывала клюв, издавая хриплые звуки. Засмотревшись на нее, художница внезапно ощущала в комнате чье-то присутствие. А обернувшись, видела стоящего у дальней стены мужчину, в котором узнавала человека, погибшего прошлой осенью*. Александра не испытывала страха при виде его, только печаль. Ей хотелось поговорить с ним, но она не могла произнести ни слова. Потом мужчина исчезал, и на том месте, где он стоял, оставалось лишь солнечное пятно на дощатой стене. Затем появлялся поезд, он несся по

---

* Читайте роман Анны Малышевой «Дом у последнего фонаря».

заснеженной равнине. Александра сидела на нижней полке, сцепив руки в замок и обхватив ими колени, и следила за тем, как за окном в темном синем небе несется полная луна. Ее зеленоватый фосфорический блеск завораживал женщину. Александра пыталась вспомнить, куда она едет, но не могла: журчащий шум колес путал ее мысли, и без того несвязные, будто чужие...

...Стук в дверь разбудил женщину, разорвав ткань ее сна, уже истончившуюся, сквозь которую все яснее пробивались звуки реального мира. Александра села в постели и, ежась, натянула на грудь покрывало. Осознав, что стук ей не приснился, женщина вскочила, натянула свитер и торопливо подошла к двери.

— Открой же! — послышалось с лестничной площадки. — Ты там жива?

Узнав голос Стаса — скульптора, который занимал мастерскую на третьем этаже заброшенного особняка, уже много лет служившего ей пристанищем, Александра немедленно отворила дверь.

Сосед, против обыкновения, был чисто выбрит. Его лицо, поразительно напоминающее лик фавна, изваянного античным скульптором, казалось свежее и даже моложе. Буйные каштановые кудри, спускавшиеся до плеч и почти не тронутые сединой, еще хранили следы мокрых зубьев расчески. Зато шрам поперек лба — память о неудачном романе и стычке с мужем соблазненной женщины — багровел особенно зловеще. Вероятно, умываясь, Стас тщательно его тер.

АЛТАРЬ ТРИСТАНА

— Какой ты сегодня! — не удержалась Александра. — Прямо жених!

— А что же... — скульптор пожал плечами, оглядывая обширный чердак, целиком отданный под мастерскую. Его взгляд перебегал из угла в угол, цепляя груды сложенных старых холстов, кипы книг, ломящиеся от папок с бумагами полки. — Может, и женюсь еще. Ты одна?

— Как всегда.

Женщина отметила, что скульптор одет не в халат, с которым расставался лишь выходя в город. Сегодня его могучие плечи обтягивал джемпер, в вырезе Александра с изумлением узрела свежую, выглаженную рубашку. Таким элегантным она не видела Стаса никогда за многие годы их знакомства и соседства.

— У меня к тебе просьба... — помявшись, нерешительно проговорил тот. — Нижайше прошу...

— Да все что хочешь! — озадаченная, ответила она. — Только денег у меня сейчас почти нет, но в ближайшее время ожидаю получить с одного клиента, я ему две картины чистила, глянец наводила...

— Нет, какие деньги! — отмахнулся Стас. — Деньги у меня есть, напротив, тебе же хотел предложить, за услугу. Понимаешь, я уезжаю. И может быть, надолго. Надо присмотреть за моей мастерской. Ключи я тебе оставляю.

— А Марья Семеновна?! — воскликнула Александра.

— Она тоже едет, только к родне, в Подмоскowie. У нее там сестра заболела, так что нужен уход.

— Получается, я остаюсь здесь одна... — упавшим голосом проговорила женщина.

— То-то и оно. Ведь ты останешься?

Александра промолчала. Остатки сна окончательно покинули ее. Новость была убийственная.

Этот старый особняк в самом центре Москвы, в одном из кривых переулков Китай-города, вымирал уже давно. Он находился в ведении Союза художников, и когда-то мастерские в нем считались престижными. Но время шло, здание ветшало и постепенно превращалось в трущобу. Батареи центрального отопления давно лопнули, горячей воды не было давно, а холодная едва поступала на верхние этажи. Зато в подвале ее хватало с избытком, он стоял затопленным. Первый этаж оккупировали крысы. На втором и третьем остались две условно жилые квартиры, только одна из которых была занята. Там обитал скульптор со своей домработницей, моделью, нянькой и музой, как он сам всегда ее аттестовывал, — Марьей Семеновной, суровой старухой с несгибаемым характером и железными зубами. Четвертый этаж пустовал давно — там провалились полы. Выше была лишь мансарда, которую вот уже тринадцать лет считала своим домом Александра.

Их осталось всего трое, самых упорных, неподдающихся обитателей обветшалого строения, и они бессознательно держались друг за друга. Каждый опасался, как бы не оказаться последним. Александра была свидетелем того, как один за другим исчезали владельцы мастерских. Кто-то нашел помещение со

АЛТАРЬ ТРИСТАНА

всеми удобствами, кто-то уехал из города, кто-то умер... Художница знала, как ленив и безалаберен Стас, и верила в то, что скульптор ни за что не согласится расстаться с вольной жизнью, которую вел в этом доме. Марья Семеновна, осуждавшая каждого уехавшего и даже умершего (полагая, вероятно, что последние имели выбор и распрощались с жизнью по своему малодушию и пристрастию к комфорту), не раз говаривала, что останется в доме до тех пор, пока не начнут рушиться стены. И вот, они уезжали...

— Что с тобой? — тревожно спросил Стас, наблюдая за ее лицом. — Ты, часом, плакать не собираешься?

Александра машинально поднесла руку к лицу, коснулась век тыльной стороной ладони. Рука осталась сухой, но женщина ощущала, что слезы близко. Она и сама не ждала от себя такой эмоциональной реакции. Ей приходилось, особенно в последнее время, сталкиваться с тяжелыми испытаниями, терять близких людей, друзей, попадать в опасные передрыги, из которых не всегда удавалось выйти благополучно... Но женщина не плакала, ей казалось, что она просто разучилась это делать. Очень давно, с тех самых пор, как четырнадцать лет назад переступила порог этой мансарды вслед за своим мужем, художником, давно уже покойным... Именно в пору жизни с ним она и усвоила простой урок — слезы ничем не помогут.

Но сейчас художница была готова разрыдаться. Стас, как многие мужчины, боялся женских слез.

Видя состояние соседки, он заторопился и преувеличенно бодрым тоном произнес:

— Ну, так договорились? Присмотришь за моим хозяйством? Ключи — вот... — Он почти насильно вложил ей в ладонь три ключа на кольце. — Деньги я оставил там, на столе, войдешь и увидишь...

— Постой, ты уезжаешь прямо сейчас?! — воскликнула она.

— Да, вещи уже отнес в машину. Меня ждет друг, на улице. Подкинет в аэропорт.

— Куда же ты?

— В Черногорию. На натуру, понимаешь.

— Какая натура... — протянула женщина. — Твоя натура — это бюсты богатых покойников да надгробные памятники, с их же портретами... Все вдохновение — дома, не сходя с места!

Именно изготовление памятников и доставляло скульптору основной и часто немалый доход. «Для себя» он творил мало и обычно бросал работу неоконченной, отвлеченный то очередным заказом, то запоем, то романом с юной моделью или скорбящей по утраченному мужу клиенткой. Стас оскорбленно дернул чисто выбритым подбородком:

— Ну да, конечно, я ремесленник, деляга, а ты — адепт чистого искусства! Давно писала что-то? Все чужие картинки реставрируешь или бегаешь по Москве, всякую дрянь перепродаешь.

— И не скрываю этого! — заносчиво ответила Александра. — Кто бы говорил про чистое искусство!

— Так отказываешься, что ли?

АЛТАРЬ ТРИСТАНА

Женщина перевела дух и заставила себя успокоиться. «Стоит ли ругаться? Не нам с ним упрекать друг друга. Оба вынуждены зарабатывать деньги. Но он уедет, и я останусь одна во всем доме...»

Эта мысль ее ужасала. Она подняла глаза на Стаса, стоявшего в выжидательной позе, чуть подавшись вперед.

— А что же Марья Семеновна, уже уехала?

— Утром еще. Отправил ее малой скоростью на историческую родину. Поскрипела своими кашеевыми зубами, но сдалась. Так присмотришь?

— Идет, — вздохнула женщина, опуская ключи в карман висевшей на спинке стула куртки. — Что же делать...

— Тогда у меня будет к тебе еще поручение! — оживился Стас. — Сделай милость, выручи по-дружески! Придет клиентка, может, даже сегодня, забрать заказ. Ты ей, пожалуйста, открой, проведи в мою пещеру и отдай, что причитается. Она сама знает что.

— Рискованно! — заметила Александра. — А если она не найдет свой заказ? У тебя же там завал. Ты меня просвети, что она конкретно будет искать?

— Стенную нишу, а на задней стенке барельеф, небольшой, — Стас обрисовал размеры несколькими размашистыми движениями рук. — Метр на шестьдесят сантиметров. Отливка из гипса.

— Надгробное что-то? — уточнила Александра.

Скульптор неожиданно задумался и после паузы кивнул:

— Вроде того... Сюжет религиозный, бегство в Египет, Иосиф и Мария на ослике. Но на надгробие не похоже.

— Тогда это ниша для домашней молельни, — авторитетно заявила Александра. — Для Европы это больше характерно, чем для наших краев. Любопытно будет взглянуть.

— Любопытно, так взгляни! — кивнул Стас. — Забавная штука получилась. Мне за нее уже уплачено, так что дело пятиминутное — встретишь клиентку и проводишь. А больше я в Москве вроде никому ничего не должен...

Они вздохнули почти одновременно, Стас — облегченно, Александра — тяжело. Женщине вспомнились ее собственные невыполненные, много раз отложенные обязательства перед клиентами. Всю зиму она не могла себя заставить взяться за работу. Едва опомнившись от недавних событий, которые чуть не довели ее до беды, едва перестав ждать наказания за преступление, которого она не совершала*, Александра попыталась отвлечься от тягостных воспоминаний и заняться делом — она набрала заказов на реставрацию. Снять слои старого лака, от которых картины становились желтыми, почти коричневыми, промыть картину, восстановить утраченный местами красочный слой, а то и грунт, перетянуть обвисший холст, освежить полотно гляncем... Это Александра проделывала сотни раз, работа не требовала участия

---

* Читайте романы А. Малышевой «Суфлер», «Трюфельный пес королевы Шарлотты».

АЛТАРЬ ТРИСТАНА

ума, души и сердца, руки выполняли ее сами, автоматически, как бы играючи. Оплачивались такие работы не очень высоко, но позволяли худо-бедно прожить, при условии, что в неделю она брала на реставрацию две-три небольшие картины.

Но отец, легший после новогодних праздников на обследование в больницу и недавно вышедший оттуда, нуждался в ее постоянном внимании, так же как и мать — растерявшаяся вдруг, поникшая, превратившаяся в большого ребенка. Александра каждый день ездила к родителям и возвращалась до того расстроенная (врачи все еще не сказали ничего определенного), что руки опускались. Она часами сидела перед картиной, установленной на мольберте, слушая звенящую тишину мансарды, ни о чем не думая, лишь томясь смутной тревогой. Изредка к ногам художницы прижималась кошка — единственный ее компаньон в этом чердачном уединении. Порою налетевший ветер грохотал полусорванным листом кровельного железа на крыше, над самой ее головой. Женщина приходила в себя, смачивала губку в растворителе, проводила ею по картине и вновь замирала, глядя в пространство, не замечая ни полотна, ни ласкавшегося зверька, присутствуя в мастерской телом, но отсутствуя душой. В такие минуты ей казалось, что она уносится далеко от неприятностей и невзгод и находит приют и успокоение где-то вдаль, в солнечном тумане, в который погружалась внутренним взором. Но, опомнившись, Александра тяжело

страдала оттого, что действительность отторгала ее воображение.

Работа шла туго, она задерживала заказы, придумывая новые и новые отговорки. И вот — начало апреля, первые настоящие весенние дни, о которых говорили ей оттепель, шум талых вод в желобе за окном, яркий солнечный свет, игравший на полу мансарды... А она ничего, ничего не сделала за зиму, не успела. «Я вхожу в эту новую весну с одними долгами и тревогами... Мне даже порадоваться нечему!»

— Езжай, не беспокойся! — сказала она, очнувшись от мыслей и увидев, как сосед беспокойно топчется на месте. Стасу явно не терпелось исчезнуть. — За квартирой присмотрю, нишу передам. Только... Как я узнаю, что она явилась, твоя заказчица? Дай хотя бы телефон, позвоню, уточню, когда ее ждать.

— Да у меня нет ее номера! — с досадой ответил скульптор, занесший уже было ногу за порог. — Ты уж покарауль в моей мастерской, говорю же, она сегодня собиралась приехать!

— Нет номера? — озадачилась Александра. — Как же это?

— Да просто, она мне никогда не звонила. — Стас обернулся и прислушался к тишине на лестничной площадке. — Пришла прямо в мастерскую, обо всем условилась и заплатила вперед. Оставила заказ, а я назвал дату, когда забрать. Я ведь опоздаю на самолет, того и гляди...

АЛТАРЬ ТРИСТАНА

— Поезжай! — Женщина дружески хлопнула его по плечу. — Счастливой дороги! И как надолго ты пропадаешь?

— Может, до лета. Месяца на два, на три.

Шаги уже затихли внизу, до ее слуха донесся отдаленный шум захлопнувшейся двери подъезда, а художница все стояла на пороге. Ею овладело оцепенение, глубокое, отстраненное спокойствие. Александре больше не было страшно остаться одной, слезы, так и не пролившись, высохли. Она закрыла дверь.

— Мы остались с тобой одни! — сказала она черной кошке, высунувшей острую внимательную мордочку из-под скомканного одеяла.

Зеленые глаза животного сузились, превратившись в щелочки. Послышался громкий, все нарастающий по интенсивности и темпу урчащий звук.

— Чему ты радуешься? — вздохнула Александра, включая старенькую электрическую плитку.

Цирцея, продолжая урчать, села и принялась месить передними лапками одеяло. Затем яростно вылизала себе бок, не замолкая при этом ни на миг. Она всегда спала с хозяйкой, если ночевала дома. Эта кошка, подобранная когда-то на улице уже взрослой, время от времени вспоминала вольную жизнь и уди-рала. Она скиталась по окрестным дворам, заводила интересные и полезные знакомства, питалась милостыню продавщиц соседних магазинов, как самая настоящая бродяжка. Но неизменно возвращалась в мансарду, каждый раз с таким снисходительным видом, будто делала Александре большое одолжение.